

УДК 130.2
ББК 87.667.1

DOI 10.47475/1994-2796-2020-11009

Предметно-энергийный аспект преодоления религиозного экстремизма

Д. А. Зайцев¹, А. И. Мацына²

¹ Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная Академия имени Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Челябинске,
Челябинск, Россия

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Авторы рассматривают проблему преодоления религиозного экстремизма и терроризма исходя предположения о том, что идеология терроризма как одна из составных частей исламского радикализма паразитирует на исламе. Одна из мировых религий используется ими лишь как идеологическая и организационная оболочка для достижения сугубо политических целей. В связи с рассуждением на основе предметно-энергийного подхода А. Б. Невелева авторы делают предположение о возможном пути преодоления этих крайне опасных социальных явлений, ставших глобальной проблемой человечества.

Ключевые слова: философия, терроризм, экстремизм, предметно-энергийный подход, преодоление, исламское государство, радикализм, ислам.

Социальные явления экстремизма и терроризма характеризуются опасной динамикой роста. Анализ факторов, порождающих эти социальные явления, имеет огромное значение для решения проблемы их преодоления. Одним из таких факторов является религиозный; он требует как можно более глубокого объяснения на фоне очень часто использования современными террористами религиозной, и, в частности, исламской, окраски при формировании социально-опасной идеологии терроризма. Почему так происходит? Мы предполагаем, что идеология терроризма паразитирует на религиозной системе идей. В частности, исламский радикализм очень эффективно использует ислам, одну из мировых религий, в качестве организационной и идеологической оболочки для достижения сугубо политических целей. В связи с этим предположением было бы интересно рассмотреть сущность и особенности религиозного экстремизма как политического инструмента социального управления, в основании которого лежит не религиозное, а террористическое мировоззрение в религиозной оправе. Вполне возможно, что эти черты, рассмотренные нами хотя бы в первом приближении, позволят нащупать возможности преодоления мировым сообществом явления религиозного экстремизма как внутреннего содержания терроризма и «Исламского государства», ставшего сегодня олицетворением мирового зла.

Наше рассуждение стоит начать с беглого рассмотрения классификаций терроризма, которых на сегодняшний день сформировано достаточно много. В качестве оснований в классифика-

циях, как правило, фигурируют цели, субъекты, объекты, формальные черты, масштабы террористических актов и идеология террористов. В связи с отсутствием объединяющей типологии, существующие классификации недостаточно полно отражают явление, но взаимодополняемы и могут быть использованы для формирования обобщенного подхода к рассмотрению экстремизма и терроризма. Так, терролог В. В. Лунев исходит из политической мотивации и смешения по различным признакам, рассматривая такие типы терроризма, как уголовный, националистический, воздушный и международный, причем два крайних выделяются им как разновидности уголовного терроризма в широком смысле [13]. Н. Д. Литвинов основывает свою классификацию на рассмотрении поставленных террористами целей [12]. Классификация В. Е. Петрищева различает террористическую деятельность по методам воздействия, характеру ее влияния, целям и используемым средствам [19]. Разнообразие и непоследовательность существующих классификаций указывают, в первую очередь, на многомерность содержания и множественность форм террористической деятельности. Существуют и отдельные классификации идеологических аспектов данного феномена. В частности, Ю. И. Авдеев делит терроризм на политический (правый и левый), националистический, религиозный и уголовный [1]. Некоторая противоречивость данной концепции в том, что все виды терроризма могут быть причислены к первой категории. Деление Н. И. Мелентьевой включает такие виды терро-

ризма, как идеологический (т. е. осуществляемый по политическим мотивам), этнический, религиозный, криминальный и индивидуальный [14], однако в данной классификации имеет место смешение критериев для выделения видов терроризма. Если индивидуальный терроризм фиксируется на основе субъекта уголовного деяния, то к остальным формам в качестве критериев применяются как субъектный состав, так и идеологический аспект уголовно наказуемого деяния. Более детальную и комплексную картину террористического деяния дает В. И. Василенко, который в качестве критериев рассматривает и цели террориста и его идеологию. При этом фиксируются политический, националистический, религиозный и криминальный терроризм [4]. При этом сепаратизм, как явление, имеющее в своей основе различные основания, может быть рассмотрен как подвид политического или националистического терроризма.

Обилие разноплановых классификаций приводит к эклектическому совмещению понятий. Однако можно отметить, что в большинстве классификационных систем большое значение придается идеологическому критерию, поскольку именно он позволяет глубже проникнуть в сущность явления и объемно показать причины террористической деятельности на уровне отдельного субъекта и общества. А значит, понять условия их устранения. На основании сказанного выше попробуем выделить несколько позиций для первоначального исследования поставленной нами проблемы. Во-первых, по объектному критерию можно выделить единственный тип — уголовный терроризм, который вполне возможно разбить его на множество самостоятельных направлений террористической деятельности. Во-вторых, по субъектному критерию можно выделить индивидуальный терроризм, групповой, организационный, государственный и международный. В третьих, по идеологическому критерию можно разделить терроризм на религиозный, политический, националистический и религиозный. Религиозный терроризм осуществляется поборниками определенного вероисповедания. В рамках данного исследования этот вид терроризма интересует нас в первую очередь. В отличие от консервативной сущности религиозного мировоззрения, группировки с религиозно окрашенным террористическим мировоззрением видоизменяются, трансформируясь с учетом текущей ситуации и технического развития. Это требует совершенствования методов рассмотрения данного сложного и динамично изменяющегося явления. Попробуем в качестве выразительного объекта исследования взять к рассмотрению исламский радикализм.

Являясь самой молодой из мировых религий, ислам находится в состоянии динамичного поиска путей своего развития. В большинстве исследований, посвященных изучению религиозного терроризма, имеющего исламское культурное обрамление, заметна тенденция к употреблению таких терминов, как «исламизм» или «исламский радикализм». При этом подразумевается не столько религия, сколько идеология и политическое действие со следующими характерными чертами: стремление к реставрации первоначальных исламских ценностей, жесткой установки на единство светского и религиозного, декларация «идеального» устройства общества и государства на принципах и законах шариата, полное отторжение чужих ценностей. Отмечается существование двух форм исламского радикализма — идеологической доктрины и социально-политической практики, направленной на создание «политических условий для применения исключительно исламских (шариатских) норм общественной жизни во всех сферах человеческой жизнедеятельности» [7]. При этом ультрарадикальный исламизм может существовать как в форме экстремизма, так и в форме терроризма.

Возникает вполне закономерный вопрос о взаимосвязи ислама и исламского радикализма, который может быть решен исходя из взаимоисключающих позиций. Наличие такой связи будет свидетельствовать о враждебной и насильственной природе ислама. Противоположная позиция предполагает, что ислам, как религия любви, справедливости и милосердия не имеет ничего общего с радикализмом и терроризмом, идеология которого попросту паразитирует на религиозном мировоззрении, решительно осуществляя подмену понятий и контекстов для прикрытия и маскировки своих противоправных действий и преступных замыслов. На наш взгляд, вполне обоснована точка зрения, согласно которой религия используется сепаратистами, националистами и криминалитетом как формальная организационная и идеологическая оболочка [7]. Внушительный перечень признаков действительно отличает идеологическую доктрину исламского радикализма от традиционного коранического ислама. В частности, радикализм отрицает единство мировой цивилизации, противопоставляя исламский мир всему мировому сообществу; проявляет нетерпимость в отношении инакомыслящим и инакововеряющим; стремится к созданию государства на основе шариата; уверенность в необходимости «джихада» против безбожной власти; склонность к силовым методам миссионерской деятельности; готовность к сотрудничеству с откровенно

националистическими, сепаратистскими и экстремистскими силами [22].

Одна из главных радикалистских идей предполагает формирование монорелигиозного объединения, подобие нации без различия социального происхождения и национальности, которое станет основой единой мусульманской империи, «Всемирного Халифата» со столицей в Мекке [16]. Категорически отвергая светские нормы права, исламисты признают в качестве источника права Коран и Сунну, что, однако, не мешает идеологам террористических организаций оправдывать жестокость и насилие с позиций необходимости проведения «священной войны», или, «джихада». Человеконенавистническая концепция «симпатии и антипатии», разработанная идеологами ваххабизма, делит человечество на три группы: по степени отношения любви и ненависти, в которые входят сами ваххабиты (их следует любить), немусульмане (их следует ненавидеть), мусульмане, которые не придерживаются салафитской концепции (их следует и любить и ненавидеть) [17].

Активизация движения террористических организаций с идеологией салафизма (исламского фундаментализма) пришлась на семидесятые годы прошлого века, но продолжается и по сей день. Салафитами (от арабского словосочетания, переводящегося как «справедные предки») называют сторонников имама Ибн Ханбалы. Истоки этого течения восходят к IX веку, теоретическое же обоснование впервые получает в конце XIII — начале XIV веков в трудах Шейха аль-ислама Ибн-Таймийи. В XIX веке на территории Египта, салафизм получает дальнейшее развитие как реформистское движение по возврату ислама к его первоначальному виду времен пророка Мухаммеда и к жизни согласно заветам предков [3]. Попробуем обозначить основные положения салафизма: восприятие ислама как единственно верной религии; стремление к воссозданию исламского государства как воплощения многовековых традиций справедливости и порядка; признание шариата в виде идеологической основы, а праведного халифа — в виде главы государства, не допускающего социального расслоения; признание тождественности религиозной и политической сферы, когда политическая элита пополняется из духовного сословия носителей салафизма; признание непрременной необходимости с непризнающими ислам как с врагами [20]. Столь бескомпромиссный подход порождает разделение человечества по линии «свой — чужой»; однако, в XX веке в рамках этой парадигмы начались поиски и разработка социальных моделей, учитывающих территориальные и культурные особенности регионов исламского

мира: национальной (панарабизм) и религиозной (панисламизм). Панисламизм подразумевает объединение мусульман. Однако демаркация человечества по линии «свой — чужой» порождает отторжение понятий малого и большого джихада, градацию поощрения верующих в зависимости от их деяний и характера их деятельности [9] и редукцию понятия «джихад» к пониманию его как войны против неверных, а воинственность становится одним из главных показателей исламистских группировок. Не стоит причислять всех салафитов к экстремистам. Конфликт видится в том, что ведя непримиримую войну с инакомыслящими по вышеназванным принципам, салафит вступает в явное противоречие с международными правовыми нормами и нормами другого государства. Например, в системе идей одной из самых радикальных исламистских группировок «аль-Джихад»^{*1} [10] убийство неверных и религиозных отступников является религиозным долгом, а самыми тяжкими считаются преступления против веры, которые караются смертной казнью. Непосредственное влияние подобных идей на развитие исламского фундаментализма ощутимо реализуется в идеологии Исламского государства* (ИГИЛ*). Радикализации исламского фундаментализма способствовало и проведение военных операций западным миром на территории Ирака, которые катализировали процесс объединения разрозненных последователей радикализма и становлении экстремистских организаций в Ливане и Сирии.

Учитывая то, что мусульмане составляют солидную часть многонационального и многоконфессионального населения России [4], что традиционный ислам является частью единой российской культуры и имеет большое влияние на территории Российской Федерации, необходимо учитывать социально опасное влияние радикализма на мусульманские объединения. В числе методов радикализации исламских взглядов в исследованиях упоминаются: некорректное толкование Корана, имеющее целью аргументацию положений радикального салафизма; объявление неверными несогласных с радикальными трактовками религиозных положений [6]; призыв к «чистому» исламу с оправданием джихада в отношении неверия и язычества [22]; оправдание насилия, применение различных способов деструктивной манипуляции сознанием верующих [17; 14]. В рамках такфиризма, одной из самых опасных разновидностей современного экстремизма, неверными (кафирами) объявляются все

¹ Здесь и далее звездочкой * отмечены организации, деятельность которых запрещена на территории РФ.

мусульмане, несогласные с интерпретацией ислама в духе этого течения.

Исследователями отмечается, что начиная с конца прошлого столетия мир оказался на пороге «нового терроризма», с возникновением Аль Каиды*, которая послужила объединяющей силой для различных террористических групп салафитской направленности. В деятельности Аль Каиды различают несколько этапов, которые приводят к появлению нового поколения неосалафитов и неоваххабитов, объединяющие идеологию своих сторонников во всем мире в их тотальной борьбе против Запада. Новая стратегия одновременно глобального джихада, озвученная Хамидом Аль-Али, призывает не только к воинственному укладу, но и к экономической независимости от Ирана, Запада и Израиля, к идеологической борьбе против западного образа мышления через пропаганду исламского, к смягчению такфиризма и толерантности в отношении лояльных мусульман, симпатизирующих джихаду, к догосрочной стратегии реализации поставленных целей [5]. Утрата черт первоначального салафизма, представление о своей избранности как точным последователям традиций на самом деле сопровождаются расхождением в интерпретации такфиризма и мученичества, вызвавшие публичные споры с представителями умеренного ислама. В условиях глобализации и технологической революции политический и религиозный экстремизм и терроризм становятся крайне опасными ввиду обладания информационными технологиями и манипулятивными технологиями над сознанием верующих, которые используются в террористической деятельности [5].

Возможно, одной из главных причин стремительного развития религиозного экстремизма и терроризма является агрессивный характер глобализации как вестернизации, которая оборачивается навязыванием западных ценностей и вызывает их естественное ответное отторжение. Стремление исламского мира к сохранению самобытности, в своем движении к духовным истокам, оборачивается изоляционизмом, который в дальнейшем приобретает экстремистские черты. Под антизападными настроениями чаще всего понимается форма колониализма, зародившаяся в странах Азии и Африки после Первой и Второй мировых войн. Современная террористическая деятельность может быть охарактеризована, прежде всего, как антизападная и антиамериканская [23]. Несмотря на тесную связь с мусульманским миром, Россия выступает активным участником антитеррористической борьбы, а следовательно — потенциальной целью экстремист-

ской и террористической деятельности. В связи с существующей точкой зрения о том, что борьба с международным терроризмом на сегодняшний день находится в тупиковой ситуации [15], попробуем обозначить приоритеты в преодолении этого глобального вызова современности.

Во-первых, западному миру стоит отказаться от стремления экстраполировать свои ценности на восточный мир, вызывающее ответный возвратный миграционный и террористический хаос. Кроме того, следует отказаться и от использования в своих политических интересах экстремистских и террористических организаций. Общеизвестно, что исламистское движение было значительно усилено боевиками, подготовленными западными спецслужбами к участию в боевых действиях против советских войск в Афганистане [21]. Эти приоритетные линии предметного самоограничения западной культуры способствуют устранению искусственно нагнетаемой оппозиции запада и востока. Во-вторых, необходимо принять во внимание наличие волонтаризма как одно из принципиальных составляющих в исламе. Традиционно исламский фундаментализм связывается с активным противоборством с иными мировоззренческими системами. Вследствие этого он способен выступать в качестве религиозной основы экстремистской и террористической деятельности, провоцируя к конечному результату в виде насилия [24]. В-третьих, особенности антропологии исламского фундаментализма связаны, с особым отношением к Абсолютному началу: отсутствие идеала богочеловечности приводит верующего больше не к требованию бесконечного самосовершенствования, а к безусловной преданности Абсолютному началу, делая религию больше неизменной основой, а не внутренним содержанием, смыслом и целью человеческого существования [26]. В-четвертых в исламском фундаментализме выражена идея полярности добра и зла, заставляющая рассматривать мир как место битвы между светом и тьмой, проходящей на всех уровнях от человеческой психики до вооруженных конфликтов [11].

В связи со сказанным выше, возникает противоречие, которое вместо вывода заставляет прийти к постановке еще одного вопроса. На первый взгляд, очевидная особенность исламского фундаментализма заключается в приоритете волонтаристической установки на подчиненность Абсолютному началу в ущерб установке на самосовершенствование человека по образу и подобию Абсолютного начала. В связи с этим можно было бы сделать вывод о наличии благоприятной среды для взращивания экстремистского мировоззрения.

Но мы, пожалуй, сделаем допуск о том, что экстремизм и терроризм может являться следствием волюнтаристского столкновения двух оппозиционных стилей политического мышления — исламского фундаментализма и западной парадигмы «столкновения цивилизаций» [25] с характерным для них базовым отношением «свой — чужой». В этом случае демаркация человечества, может быть рассмотрена как глубокий кризис предметной идентичности человека и культуры.

С позиций предметно-энергетического подхода [18] человек представляется изначально предметным существом, зафиксированным собственной предметной идентичностью. Крайние позиции отношения к предметному бытию можно представить как полярные, одна из которых представляет собой вектор к фиксации предметности в вещном мире, другая — вектор к истончению предметных форм, соотносящегося с таким ее состоянием, как энергичность, способность к действию и к движению в любом направлении. Оппозиция «свой — чужой» указывает нам на строгую фиксацию человека и культуры в устоявшейся культурной разметке собственного бытия. В этой связи все смыслы, ведущие к Абсолютному началу, на по-

верку оказываются купированными формами с массово доступным содержанием. Так, например, понятие «джихад» в случае предельно энергичной религиозно-философской трактовки будет тяготеть к определению, выражаясь языком Абу Хамида аль-Газали, «джихада сердца», заставляющего человека бороться прежде всего со своей собственной греховной природой. Закостенение же человека и культуры на уровне предметности социальных и политических целей в результате дает в распоряжение человека такое сомнительное средство культурной разметки мира, как «джихад меча» для уничтожения Иного, Другого, не такого как Ты. Но то, что нуждается в оправдании со стороны чего-либо иного, не может само быть сущностью чего бы то ни было [2]. Насилие, к которому ведет религиозный экстремизм и терроризм, не может быть частью религии. Это застывшая предметность, закрепостившая человека и культуру в неспособности к их дальнейшему развитию. Преодоление этой ситуации видится лишь путем длительных совместных усилий человечества по устранению предметных оппозиций в общественном сознании и формированию универсальной идентичности человека и человечества.

Список литературы

1. Авдеев, Ю. И. Типология терроризма / Ю. И. Авдеев // Современный терроризм: состояние и перспективы / под общ. ред. Е. И. Степанова. — Москва : Эдиториал УРСС, 2011. — 175 с.
2. Арендт, Х. О насилии : пер. с англ. / Х. Арендт. — Москва : Новое издательство, 2014. — С. 54—67.
3. Ахмедова, К. Б. Религиозный фактор в политическом контексте противодействия терроризму : дис. ... канд. полит. наук / К. Б. Ахмедова. — Ростов-на-Дону, 2014. — 235 с.
4. Василенко, В. И. Терроризм как социально-политический феномен / В. И. Василенко. — Москва : Инфра М, 2012. — 218 с.
5. Горшков, И. Исламское государство уже не зависит от иностранных спонсоров / И. Горшков // Мир и политика. — 2014. — № 11 (98).
6. Гурба, В. Н. Терроризм в регионах адатных культур: на примере Северо-Кавказского региона : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. — Новочеркасск, 2011. — 58 с.
7. Добаев, И. П. Исламские радикализм: генезис, эволюция, практика : монография / И. П. Добаев. — Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 2012. — 414 с.
8. Зайцев, Д. А. Философия терроризма / Д. А. Зайцев // XI Международная студенческая научная конференция «Студенческий научный форум» — 2019. — URL: <https://www.scienceforum.ru/2019/article/2018011044> (дата обращения: 10.02.2019).
9. Игнатенко, А. А. Ислам и политика : сб. ст. / А. А. Игнатенко. — Москва : Инст-т религии и политики, 2004. — С. 139—140.
10. Кирина, Ю. Н. Основные направления современного исламского фундаментализма в Египте / Ю. Н. Кирина // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 2. — С. 260.
11. Коровиков, А. В. Исламский экстремизм в Арабских странах / А. В. Коровиков. — Москва : Наука, 1980. — 167 с.
12. Литвинов, Н. Д. Антигосударственный терроризм: понятие и виды. (историко-криминологический аспект) / Н. Д. Литвинов // Терроризм: современные аспекты : сб. науч. статей. — Москва : Академия, 2012. — 785 с.
13. Лунев, В. В. Терроризм: современные аспекты / В. В. Лунев. — Москва : Академия, 2010. — 357 с.

14. Мелентьева, Н. Размышления о терроре / Н. Мелентьева // АртПолитИнфо. — URL: <http://artpolitinfo.ru/731> (дата обращения: 14.01.2016).
15. Мирский, Г. И. Американская сверхдержава против исламистского терроризма / Г. И. Мирский. — Москва, 2001. — С. 245.
16. Мкртычян, А. А. Влияние средств массовой информации на психологические последствия терроризма : автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. А. Мкртычян. — Москва, 2012. — 38 с.
17. Назиров, Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. / Д. Назиров. — Душанбе, 2012. — 47 с.
18. Невелев, А. Б. Предметно-энергетическое исследование культуры : к постановке проблемы / А. Б. Невелев // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток — Запад диалог мировоззрений : тез. докл. VII Рос. филос. конгресса (г. Уфа, 6—10 октября 2015 г.) : в 3 т. Т. I. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. — С. 41.
19. Петрищев, В. Е. Заметки о терроризме / В. Е. Петрищев. — Москва : Наука, 2011. — 288 с.
20. Пирогов, А. И. Исламский фундаментализм в арабском мире / А. И. Пирогов, Д. А. Бирюков // Экономические и социально-гуманитарные исследования. — 2015. — № 4 (8). — С. 127.
21. Проблема терроризма на Ближнем Востоке на современном этапе. — URL: <https://articlez.com/article/11103> (дата обращения: 14.10.2017)
22. Противодействие террористической и иной экстремистской деятельности исламских радикальных структур на территории государств-участников Содружества независимых государств : материалы междунар. науч.-практ. семинара. — Москва, 2014. — 97 с.
23. Сатановский, Е. Я. Глобализация терроризма и её последствия / Е. Я. Сатановский // Международная жизнь. — 2001. — № 9-10. — С. 17.
24. Ханбабаев, К. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: общее и особенное / К. Ханбабаев. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiozno-politicheskiy-ekstremizm-na-severnom-kavkaze-obschee-i-osobnoe> (дата обращения: 03.12.2017).
25. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. — Москва : АСТ, 2003. — 603 с.
26. Харлова, А. Возникновение и распространение ислама / А. Харлова. — URL: <http://www.km.ru/referats/1C4E15F9DB944CCF8CBD0EFA088B5642> (дата обращения: 01.12.2017).

Сведения об авторах

Зайцев Дмитрий Александрович — курсант 5-го курса 1-го факультета филиала научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная Академия имени Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Челябинске, Челябинск, Россия. dimonzda1@mail.ru;

Мацына Андрей Иванович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета. matsyna@inbox.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2020. No. 9 (443).
Philosophy Sciences. Iss. 58. Pp. 56—63.*

The subject-energy aspect of overcoming religious extremism

D.A. Zaitsev

*Branch of military educational and scientific center of the air force "Air Force Academy"
in Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia. dimonzda1@mail.ru;*

A.I. Matsyna

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. matsyna@inbox.ru

The authors consider the problem of overcoming religious extremism and terrorism on the assumption that the ideology of terrorism, as one of the components of Islamic radicalism, is parasitic on Islam. One of the world's religions is used by them only as an ideological and organizational shell to achieve purely political goals. In connection with reasoning on the basis of the subject-energy approach of A. B. Nevelev, the authors make an assumption about a possible way to overcome these extremely dangerous social phenomena that have become a global problem for humanity.

Keywords: *philosophy, terrorism, extremism, subject-energy approach, overcoming, Islamic state, radicalism, Islam.*

References

1. Avdeyev Yu.I. Tipologiya terrorizma [Typology of terrorism]. *Sovremennyy terrorizm: sostoyaniye i perspektivy* [Modern terrorism: state and prospects]. Moscow, Editorial URSS, 2011. 175 p. (In Russ.).
2. Arendt Kh. O nasilii [On violence]. Moscow, Novoye izdatelstvo, 2014. Pp. 54—67. (In Russ.).
3. Akhmedova K. B. *Religioznyy faktor v politicheskom kontekste protivodeystviya terrorizmu* [Religious factor in the political context of countering terrorism]. Thesis. Rostov-na-Donu, 2014. 235 p. (In Russ.).
4. Vasilenko V.I. Terrorizm kak sotsialno-politicheskiy fenomen [Terrorism as a socio-political phenomenon]. Moscow, Infra M, 2012. 18 p. (In Russ.).
5. Gorshkov I. Islamskoye gosudarstvo uzhe ne zavisit ot inostrannykh sponsorov [The Islamic State no longer depends on foreign sponsors]. *Mir i politika* [Peace and Politics], 2014, no. 11 (98). (In Russ.).
6. Gurba V.N. Terrorizm v regionakh adatnykh kultur: na primere Severo-Kavkazskogo regiona [Terrorism in the regions of adat cultures: on the example of the North Caucasus region]. Abstract of thesis. Novochechensk. 2011. 58 p. (In Russ.).
7. Dobayev I.P. Islamskiye radikalizm: genezis, evolyutsiya, praktika [Islamic radicalism: genesis, evolution, practice]. Rostov-na-Donu, Izdatelstvo SKNTs VSh, 2012. 414 p. (In Russ.).
8. Zaytsev D.A. Filosofiya terrorizma [Philosophy of Terrorism]. *Studencheskiy nauchnyy forum — 2019* [Student Scientific Forum— 2019]. Available at: <https://www.scienceforum.ru/2019/article/2018011044>, accessed 10.02.2019. (In Russ.).
9. Ignatenko A.A. *Islam i politika* [Islam and Politics]. Moscow, Institut religii i politiki, 2004. Pp. 139—140. (In Russ.).
10. Kirina Yu.N. Osnovnyye napravleniya sovremennogo islamskogo fundamentalizma v Egipte [The main directions of modern Islamic fundamentalism in Egypt]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2011, no. 2, pp. 260. (In Russ.).
11. Korovikov A.V. *Islamskiy ekstremizm v Arabskikh stranakh* [In Islamic extremism in the Arab countries]. Moscow, Nauka, 1980. 167 p. (In Russ.).
12. Litvinov N.D. Antigosudarstvennyy terrorizm: ponyatiye i vidy. (istoriko-kriminologicheskiy aspekt) [Anti-state terrorism: concept and types. (historical and criminological aspect)]. *Terrorizm: sovremennyye aspekty* [Terrorism: modern aspects]. Moscow, Akademiya, 2012. 785 p. (In Russ.).
13. Lunev V.V. *Terrorizm: sovremennyye aspekty* [Terrorism: modern aspects]. Moscow, Akademiya. 2010. 357 p. (In Russ.).
14. Melentyeva N. Razmyshleniya o terrore [Reflections on terror]. *ArtPolitInfo*. Available at: <http://artpolitinfo.ru/731>, accessed 14.01.2016. (In Russ.).
15. Mirskiy G.I. *Amerikanskaya sverkhderzhava protiv islamistskogo terrorizma* [American superpower against Islamist terrorism]. Moscow, 2001. P. 245. (In Russ.).
16. Mkrtchyan A.A. *Vliyaniye sredstv massovoy informatsii na psikhologicheskiye posledstviya terrorizma* [The influence of the media on the psychological consequences of terrorism]. Abstract of thesis. Moscow, 2012. 38 p. (In Russ.).
17. Nazirov D. *Problemy terrorizma. religioznogo ekstremizma i puti ikh preodoleniya* [Problems of terrorism, religious extremism and ways to overcome them]. Abstract of thesis. Dushanbe, 2012. 47 p. (In Russ.).
18. Nevelev A.B. Predmetno-energiynoye issledovaniye kultury : k postanovke problemy [Subject-energy research of culture: to the problem statement]. *Filosofiya. Tolerantnost. Globalizatsiya. Vostok — Zapad dialog mirovozzreniy* [Philosophy. Tolerance. Globalization. East — West dialogue of worldviews]. Ufa, RITs BashGU, 2015. P. 41. (In Russ.).
19. Petrishchev V.E. Zametki o terrorizme [Notes on terrorism]. Moscow, Nauka. 2011. 288 p. (In Russ.).
20. Pirogov A.I., Biryukov D.A. Islamskiy fundamentalizm v arabskom mire [Islamic fundamentalism in the Arab world]. *Ekonomicheskiye i sotsialno-gumanitarnyye issledovaniya* [Economic and social and humanitarian studies], 2015, no. 4 (8), pp. 127. (In Russ.).
21. *Problema terrorizma na Blizhnem Bostoke na sovremennom etape* [The problem of terrorism in the Middle East at the present stage]. Available at: <https://articlez.com/article/11103>, accessed 14.10.2017. (In Russ.).

22. *Protivodeystviye terroristicheskoy i inoy ekstremistskoy deyatelnosti islamskikh radikalnykh struktur na territorii gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva nezavisimyykh gosudarstv* [Countering terrorist and other extremist activities of Islamic radical structures on the territory of the member states of the Commonwealth of Independent States]. Moscow, 2014. 97 p. (In Russ.).

23. Satanovskiy E.Ya. Globalizatsiya terrorizma i eye posledstviya [Globalization of terrorism and its consequences]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International life], 2001, no. 9—10, pp .17. (In Russ.).

24. Khanbabayev K. *Religiozno-politicheskiy ekstremizm na Severnom Kavkaze: obshcheye i osobennoye* [Religious and political extremism in the North Caucasus: general and special]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiozno-politicheskiy-ekstremizm-na-severnom-kavkaze-obschee-i-osobennoe>, accessed 03.12.2017/ (In Russ.).

25. Khantington. S. *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow, AST, 2003. 603 p. (In Russ.).

26. Kharlova A. *Vozniknoveniye i rasprostraneniye islama* [The emergence and spread of Islam]. Available at: <http://www.km.ru/referats/1C4E15F9DB944CCF8CBD0EFA088B5642>, accessed 01.12.2017. (In Russ.).